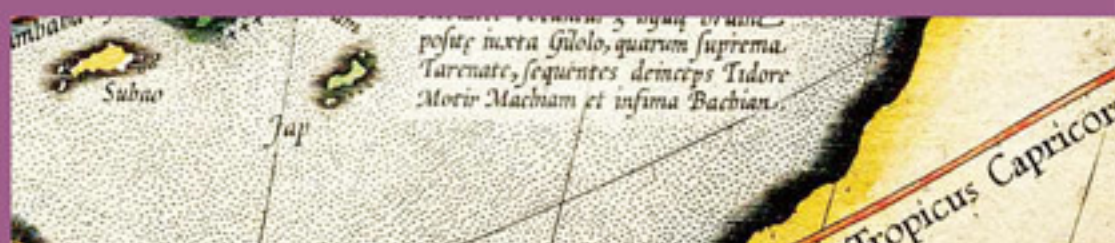

A detailed historical map of the Sulu Archipelago (Arcipelago de S. Lázaro) from 1764. The map shows numerous islands, including Palawan, Mindanao, and the Sulu Archipelago. Key locations marked include Palawan, Mindanao, and the Sulu Archipelago. A red line runs diagonally across the map, likely representing a trade route or a boundary. The map is labeled with various islands and settlements, such as Palawan, Mindanao, and the Sulu Archipelago. A small inset map in the bottom right corner shows the location of the archipelago within the Philippines.

Ольга Мартынова

**О Введенском. О
Чвирикe и Чвирке**

НП «Центр современной литературы»

Мартынова О.

О Введенском. О Чвирикe и Чвирке / О. Мартынова — НП
«Центр современной литературы»,

Ольга Мартынова родилась в 1962 г. в Дудинке, где ее отец был в длительной журналистской командировке, выросла в Ленинграде. С 1991 г. живет в Германии. Пишет стихи (по-русски), эссе и литературно-критические статьи (в основном, по-немецки, иногда по-русски) и прозу (по-немецки). Как литературный критик и эссеист сотрудничает с ведущими газетами немецкоязычного пространства – Die Zeit, Neue Zürcher Zeitung (NZZ), Frankfurter Rundschau и др. Премия Губерта Бурды для поэтов Восточной и Южной Европы (2000).

© Мартынова О.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

О Введенском	6
О Введенском	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ольга Мартынова

О Введенском О Чвирикe и Чвирке Исследования в стихах

Об авторе

Ольга Мартынова родилась в 1962 г. в Дудинке, где ее отец был длительной журналистской командировке, выросла в Ленинграде.

С 1991 г. живет в Германии. Пишет стихи (по-русски), эссе или литературно-критические статьи (в основном, по-немецки, иногда по-русски) и прозу (по-немецки). Как литературный критик и эссеист сотрудничает с ведущими газетами немецкоязычного пространства – Die Zeit, Neue Zürcher Zeitung (NZZ), Frankfurter Rundschau и др. Премия Губерта Бурды для поэтов Восточной и Южной Европы (2000).

Стихотворные книги по-русски:

Шепот январских садов», в составе конволютного сборника «Камера хранения» (Четыре книги стихов), М., 1989;

Сумасшедший кузнечик», СПб., 1993;

Четыре времени ночи», СПб., 1998;

Rom liegt irgendwo in Russland», per procura, Wien – Lana, 2006 (двуязычное издание: русский-немецкий, совместно с Еленой Шварц);

Французская библиотека», М., 2007;

по-немецки:

Brief an die Zypressen», Rimbaud Verlag, Aachen, 2001;

Rom liegt irgendwo in Russland», per procura, Wien – Lana 2006 (двуязычное издание: русский-немецкий, совместно с Еленой Шварц);

In der Zugluft Europas», Heidelberg, 2009.

Стихи и эссе переводились на немецкий, английский, французский, итальянский, словацкий, русский и датский языки.

О Введенском Исследование в стихах

«О Введенском» Ольги Мартыновой напоминает ораторию или кантату с речитативами рассказчика (евангелиста?), следующими за словами вроде «Also spreche»: «Введенский о Хармсе...», «Заболоцкий написал Введенскому письмо, примерно такое...», «Введенский говорил друзьям...» и, наконец, «Я говорю: О, Ты, который...». Такая форма, вероятно, впрямь подобает произведению, говорящему о том же, что всю жизнь интересовало героя этого пэсиона, – о времени, о смерти и о Боге. И еще: это не только кантата, где звучат голоса (арии) чинарей, собеседников и оппонентов Введенского, это также и попытка разговора со старшим товарищем по цеху, минуя смерть, разрыв во времени, но не минуя Бога, который, *возможно кругом*. Вернее, я бы сказал даже не разговор, а, как формулировал это сам Введенский, «некоторое количество разговоров». При этом не забудем, что разговоры в данном случае не просто беседы, но разговоры в стихах – дьявольская разнища.

Разговор в стихах с таким поэтом, каков Введенский, предполагает владение его языком, его понятийным аппаратом, приемами его речи. Дерзновенная Мартынова решается на такой разговор и демонстрирует и беглое владение идиоматикой, и приемами соединения прежде не встречавших друг друга слов, и ритмико-композиционными изгибами стиха. Но это всё лишь дань почтения гениальному поэту: Мартынова ни на минуту не перестает быть самой собой, то есть поэтом, обладающим собственным голосом, независимым взглядом и особым умением вес-и беседу, не пасуя перед великими партнерами (которых сама же и выбирает).

Из того немногoго, что до сих пор говорилось о Введенском, все написано на философском или же филологическом наречии; Ольга Мартынова впервые взялась трактовать эту тему в стихах, и мне представляется ее подход существенным и продуктивным. Все труды, посвященные Введенскому, начинаются так или иначе со слов «звезда бессмыслицы», с упоминания о том, что этот автор предвосхитил на тридцать лет литературу абсурда и т. п. После упоминания бессмыслицы и приведения цитаты о том, что поэт провел «как бы поэтическую критику разума, более основательную», чем критика Канта, исследователи, все как один, приступают к поискам смысла. Даже самый проникательный и близкий Введенскому Я. С. Друскин, который в начале своих заметок о поэте пишет о том, что невозможно искать смысл бессмыслицы, так как это еще большая бессмыслица, чем сама бессмыслица, – уже через три страницы утверждает: «...понять время (и жизнь) это и значит не понимать их. В этом смысл его бессмыслицы».

Слова имеют семантику, семантика не может не породить смысла, пусть непривычное (алогичное) соединение слов приводит к неожиданному и шокирующему смыслу, но всё же смыслу. Дайте нам *дыр бул щир*, и мы вначале припишем ему семантику, а вслед за ней отыщем и смысл.

металл бессмыслицы сдается,
резвится, как щенок,
клубится, как вода,
которая слизывает себя сама:
(*(А воздух море подметал,*
как будто море есть металл) –
Это очень обычное,
очень простое
очень правдоподобное описание моря

под пасмурным небом в ветреную погоду.
Но оно и стоит в скобках).

Реплика Мартыновой вторгается в напряженнейшую философскую дискуссию, но это реплика поэта, и она произведена не в рамках любомудрия, а подчиняется законам поэтической речи. Поэты часто тоскуют, как бы это без слов сказаться было можно, призывают молчание, как панацею, молят о немотствующих устах. Не верьте поэтам: больше всего на свете они любят слова. Поверьте поэтам: слова их убивают.

Тут входит слово никогда (Введенский)
И (продолжает Мартынова) непрогретая вода
Внушает вам, что вы не рыбы,
Иначе вы летать могли бы.

В произведении Введенского «Очевидец и крыса» Он, обращаясь к женщине – *Маргарите или Лизе, ныне ставшей Катей*, оворит:

Маргарита Маргарита
дверь скорее отвори,
дверь в поэзию открыта,
ты о звуках говори.
Мы предметов слышим звуки,
Музыку как жир едим.
Маргарита для науки
мы не верим что мы спим.
Мы не верим что мы дышим,
мы не верим что мы пишем,
мы не верим что мы слышим,
мы не верим что молчим.

Введенский не верит, что женщина в состоянии сказать то, о чем он ее просит, поэтому в «Очевидце и крысе» *Он* сам и говорит, пока дверь в поэзию открыта, в то время как *Она* прыгает в окно, хотя *тут нигде не сказано, что она прыгнула в окно, но она прыгнула в окно*, которое по его же просьбе и открыла.

Мартынова берет на себя смелость сыграть женскую роль по сценарию Введенского. При этом слова роли принадлежат не сценаристу (ему принадлежит лишь замысел), а ей самой, хотя и выполняющей просьбу Введенского. Мне кажется, это очень важно, что вникнуть в суть исканий Введенского пытается поэт и что этот поэт – женщина.

Да, дело в том (говорит Введенский), *что тут есть с тобой же участница, женщина. Вас тут двое. А так, кроме этого эпизода, всегда один. В общем, тут тоже один, но кажется мне в этот момент, вернее до момента, что двое. Кажется, что с женщиной не умрешь, что в ней есть вечная жизнь.*

Бессмертия Вам, Александр Введенский!

А Мартынова пусть говорит еще – о вишневой косточке, о длинноглазом шумере, о рыбах и буквах, о мелком море на севере и глубоком – на юге, о том, на что у нее есть право цеха, нравится или не нравится это кому-либо (да хоть и самому Богу, который, возможно, кругом).

Виктор Бейлис

О Введенском

О Господи помилуй мя.

Л. Аронзон

I

Как ловко книги, по-русалочьи манят —
Неслышно под рукой их плавники трещат:
Щекотно пальцам и смешно бумажной Лорелее)

вот, сидишь, например, в кресле,
коровьи языки солнца сквозь занавеску лижут страницу,
читаешь «Крейцерову сонату»,
думаешь, хорошо бы порадовать старика,
написать ему на облака:
«Перечитывала „Крейцерову сонату“»,
было грустно от общего нашего несовершенства», —
Он бы в сторону Гете, с(о)пящего на соседнем облаке,
вспахал бороздки бороды
и скромно отхлебнул из дождевой воды.

Книги слоются как рыбье мясо.
За белые жабры держу два тома,
Как из рыбных рядов попку несу.
Я помню еще, как они открывали серые рты,
Но тукнул продавец по темени —
И в чешуе нет больше хода времени.
Их казнь понятна и ясна,
ведь божий замысел — блесна,
рыба — бог, но в то же время,
вкаких-то сухопутных снах,
мне больно, будто бы — я стремя
о шпорой-звездочкой в зубах,
и к нёбу ржавый шип приник.

Два белых тома тоже не всегда
Уходят из сетей ума,
И если нет, тогда
металл бессмыслицы сдается,
резвится, как щенок,

клубится, как вода,
которая слизывает себя сама:

((А воздух море подметал,
как будто море есть металл) –
Это очень обычное,
очень простое,
очень правдоподобное описание моря
под пасмурным небом в ветреную погоду
Но оно и стоит в скобках)

Все, что наспех сознание связало и спутало,
Еще в колыбели, над розовым сморщенным «я»,
Как это распутать? –
Послушай, из логики слов меня выведи,
Так разуму я в колыбели сказала,
В бессмыслицу связи и завязи –
Но непослушен разум
Младенческим приказам.

II

Введенский о Хармсе: *Он, видите ли, любит гладкошерстных собак. Ни смерть, ни время его по-настоящему не интересуют.*

Это сказано в сердцах.
Я думаю, когда он это говорил,
Он сидел на еже и его правая нога перебирала клавиши
компьютера
(так ему мстило время, анахронизмы ввинчивая в темя),
которые были, как зубы: *На какую (клавишу) ни нажмешь,*
больно

Раньше черти варили и черви глодали
беззубые черепа,
А теперь мы с прекрасными (в)сходим в свет(мрак) зубами,
Драгоценней фосфорных черепах,

Кто прежде нас ушел, тем, кажется, обидно,
Они ворчат: нифить фарфоровые фубы – фтыдно.

Да и всякое вообще описание неверно. «Человек сидит, у него корабль над головой» все же наверное правильное, чем «человек сидит и читает книгу»:

Я сплюнула слово – вишневой косточкой – в руку,
Потом незаметно бросила в реку,
Выросла вишня-черешня на скользкой воде,
Глянула в небо, а неба-то нету нигде,
Выплакало небо всю зелень-синеву свою в высокую осоку.

Когда бы слово было меньше семени,

В нем не было б любви к бессмыслице и темени.

III

Кругом, возможно, бог – и это стоит (то есть, этот возможный бог стоит) кругом возможности непонимания и заслоняет ее:

Ладно, когда-нибудь всё равно все всё говорят,
Особенно, когда в молочной туче,
Повисшей, как надутая перчатка,
Как вымя страшное, набух огонь трескучий,
И Твоего куста созрело пламя,
Чтоб сжечь уют косноязычий.
Дар речи обрета от страха,
Я говорю: О, Ты, который, возможно, кругом,
Мне не нравится то, что Ты сочинил,
Я говорю это, как коллега, у меня есть на это право цеха,
Праха (потому что в прахе Ты мне назначил свиданье),
Воздуха-вдоха (потому что это Твое дыханье)
И, главное, петуха, у которого съедены потроха.
Конечно, все это очень мило,

Все эти хребты, облака, баобабы, бабочки, комары, кроты;
Прелестны и разноцветные люди,
Это было счастливое озаренье,
Сделать их бледнолицыми, черножопыми, краснокожими
и желторожими,
Но я не люблю Твоего творенья.

Чуден и синий воздух, как корова жующий время,
Все, что нам осталось – это дать этому имя,
Мы ничего, ничего, как известно, не можем придумать,
Что не придумано раньше Тобой:
Петушиные клювы драконов девы несут на убой,
Розы завой вьется как вой за собой,
Василиск поднимает к небу свой ботинок рябой.
Зверь с головой ботинка,
В подвздошь Бутырка, в подпашье бутылка,
А руки как у трески – все равно останется связан
С Ангелом воли Твоей, с его золоченой трубой,
И конечно, все это страшно мило,
Но
Мне кажется, Ты не продумал деталей,
Сляпанным слишком поспешно мне кажется это кино.

Я сплюнула слово – выпавшим зубом – в руку,
Потом незаметно скинула в реку.
Выросла челюсть на полной волне

И поплыла к зеркальной блесне.

IV

Как думали о смерти стоики:
Мускулистые мысли в одрябших полотнах страха
У них над головой подметали небо,
Оно морщинилось, как море,
На их головы сыпалась теплая слава в веках,
И хлопья небесного смеха
Прилипали к их липким и влажным одеждам,
Из мокрого нёба сочились сухие слова.

Городские стражи надо мной смеются, виноград расклевали
птицы,
Везде скользкий камень, куда не поставлю ногу,
Мой живот, что луной должен быть, круглой, плоской,
прохладной, горит, как солнце,
Мой разум, что должен гореть как солнце, стынет
луной-лягушкой,
Заклинаю Вас, девушки Иерусалима, не приводите ко мне
жениха другого,
Пусть лучше будет кругом меня эта ночь сырая,
Пусть я стою над жемчужно-желтыми холмами,
И кожа моя пусть горит, не сгорая,
Пусть стражи надо мной смеются, пусть снуют лисицы.)

Ночь и день замеряя осиными колбами яви и сна,
В струйке песчаной люди висят, как блесна,
Одинаково далеко от поверхности и ото дна.

Жизнь смертные сны подсмотрела
И разболтала,
Дыряво ее покрывало.

И шибает из прорех
Т(П)леном подчерепной орех,
В котором бог, в котором грех, в котором зал его утех.

V

Вас тут двое. А так, кроме этого эпизода, всегда один.)

Есть три «вдвоем», которые
Себя умеют видеть без посторонних глаз:

Любовь, молитва, смертный час.

(Половой акт, или что-либо подобное, есть событие.)

Так, колесо любви

(Все разлагается на последние смертные части.)

соединив со смерти колесом,

(Это ничем не поправимая беда. Выдернутый зуб. Тут совпадение внешнего события с временем.)

Он сделал самокат.

Так, колесо любви соединив со смерти колесом,

Все едут на бесцельном самокате:

Без женщины/мужчины ты все сам и сам,

А с ней/с ним ты в двухместной вроде бы каюте/палате.

Тот, кто Кругом, соединяя вас,

Неслышно замеряет вашей жизни вес:

Без смерти ты всегда один,

Поскольку для нее рожден.

Тут входит слово никогда

И непрогретая вода

Внушает вам, что вы не рыбы,

Иначе вы летать могли бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.